

В.В. Шаповал

О названиях животных в ранних славянских словарях

Латинско-чешский словарь 1511 г. — это первый словарь, в котором чешские слова регулярно использовались во вспомогательной части латинских толкований. Первая (алфавитная) книга и ряд других разделов этого словаря приводят латинские названия животных, птиц, рыб и т. д. Как и в других ранних славянских словарях, некоторые из этих слов являются экзотическими или фантастическими. Примечательно, что эти названия не относятся к живым существам, представленным в Европе. Можно предположить, что они взяты из Библии и учебных текстов того времени.

Ключевые слова: ранние славянские словари; животные; Библия.

Первые печатные латинские словари с включением материала одного из славянских языков начинают создаваться в явной связи с распространением европейского протестантизма в начале XVI в. Языком-объектом в них выступает латинский язык, а славянский материал призван помочь учащемуся. Латынь этой эпохи имела множество функций. С учетом тогдашней синкретической образованности трудно отделить от чисто утилитарной функции общения учебные и религиозные цели. На ранних этапах формирования национальных языков несомненна роль перевода с латыни, латинских вкраплений и цитат для уточнения смысла текста [10: с. 63]. Эта связь важна и для понимания славянского материала в первых словарях.

Нельзя не обратить внимания на то, что среди включенных в алфавитный словник и тематические списки названий живых существ в этих словарях встречаются такие, ареал распространения которых не захватывает Европу. Их наличие в словарях можно объяснить необходимостью изучать и понимать библейские тексты.

В Библии *хамелеон* употребляется один раз в списке нечистых пресмыкающихся в книге Левит (Лев 11:30). В оригинале хамелеон (אֲרָבָה [koaḥ] ‘большой ящер’), как и в греческом тексте χαμαιλέων ‘хамелеон’, стоит на второй позиции списка [1]. В Вульгате это животное замыкает список: «mygale et testudo et stellio et talpa et chamaeleon» ‘землеройка, и черепаха, и (звездчатая) ящерица, и крот, и хамелеон’ [8]. Ареал распространения последнего животного, если принять, что все участники коммуникации имели в виду одну и ту же разновидность ящерицы, включает в себя юг Пиренейского полуострова и юг Малой Азии. Севернее это животное не встречается. Таким образом, западнославянские книжники судили о нем, скорее всего, по словесному описанию, а не по иллюстрациям.

В латинско-чешском словаре 1511 г. *хамелеон* тем не менее описан подробно: «[C*]Ameleon ontis m t est quodam animal sic dictum. quia litz (=licet) fit asperfum albis maculis vt pardus, collo equo f<imi>lis, pedibus bubalis, capite tamen camelo est f<imi>lis Viuit de aere Welbudohlawetz» [7: с. 576] — «Хамелеон (р. п. *-ontis, м.*, 3 скл.) есть <...> животное так нареченное, ибо хотя есть отчасти <с> белыми пятнами, как пардус, шеей лошади подобно, ногами буйволу, головой же верблюду есть подобно. Живет от воздуха. *Верблюдоглавец» (здесь и далее перевод автора статьи. — *В. III.*).

C* — буква восстановлена нами на месте пропуска, оставленного в печатном издании для рукописного инициала. Печатный текст, как видим, сохраняет некоторые особенности тогдашней рукописной книги. Здесь и далее при цитировании словаря сохранено графическое оформление издания (символы *f*, *z* и т. п.), но лигатуры, сокращения, выносные знаки раскрыты, эти части слов внесены в строку и выделены курсивом. Орфография не правилась по стандартам классической латыни [5].

Последнее слово (*Верблюдоглавец) составлено нами, чтобы передать по-русски внутреннюю форму названия *Welbudohlawetz* по-чешски.

Надо полагать, автор и его читатели опирались на чужие опосредованные свидетельства, а не на свой визуальный опыт. Описание через ряд сравнений с крупными животными деформирует восприятие реальных размеров этой не очень крупной (примерно тридцатисантиметровой) древесной ящерицы.

Верблюд в названии *хамелеон*, очевидно, усмотрен по созвучию с латинскими названиями верблюда (*camelus*) и льва (*leo*). Оба эти названия относятся к лексическому минимуму, они есть даже в кратком латинско-чешско-немецком словаре 1513 г. [2: с. 12]. Наше предположение о том, как название хамелеона членилось составителем словаря, основывается, в частности, на сходном членении в том же словаре 1511 г. следующего за ним слова: «Cameleopardus dictus est / quia camelo et pardo f<imi>lis fit» [7: с. 576] — «Жираф назван <так>, ибо верблюду и леопарду (или другому крупному представителю семейства кошачьих) подобен есть». Разумеется, при такой народно-этимологической трактовке стык двух корневых морфем с наложением двух *-l-* в *c[h]ameleon* выглядит спорно, по-кэрролловски.

Согласно Библии, птицы были созданы на пятый день творения (Быт. 1:21). В словаре 1511 г. содержится подробная характеристика *райских птиц*: «Aves paradisi / volucres sunt sic dicte / non quia de paradiso lint. fed ob <ab?> infligrem pulc<h>ritudinem taliter vocantur Sunt eium tanti decoris. et gl<ori?>ē / vt n<u>llūs eis color de esse creditur Magnitudo eis vt anferum vox ita dulcis et pia / vt in himine excitare possit denocionem et gaudium Raystij ptatzu» [7: с. 564] — «Птицы райские, пернатые суть так нареченные, не потому что из рая были бы, но от приметной красоты так называются. Суть они такового украшения и славы, что никак в существование их расцветки не верится. Размер их как (у) гусей; голос же столь сладок и мил, что в человеке возбуждать может покорность и радость. *Райстии птицы».

В этом описании можно усмотреть полемику с фольклорными представлениями о месте обитания райских птиц, опирающуюся на открытие в то время Новой Гвинеи, где впервые были обнаружены многие виды воробьинообразных. Данные о размерах и качестве пения птиц в словаре в общем точны, хотя и преувеличены.

Пеликан мог быть известен в Чехии, поскольку ареал его обитания на Севере достигает течения Дуная. Однако «словарный» пеликан живет в более экзотическом месте: «Pellicanus m s est auis egipciaca / habitans in solitudine Nili fluminis. et dicitur q̄i pellem canam habens Pelikan Sfediwek» [7: с. 572] — «Пеликан (м., 2 скл.), есть птица египетская, обитающая в уединении [у] Нила реки, и называется <так>, как оперение [кожу] серое имеющая. *Пеликан. Шедивек».

Название *Sfediwek* связано с прилагательным *šedý / šedivý* ‘седой’. В описании пеликанов обычно содержится указание на серый цвет. Но сегодня *šedivek* — это народный праздник, лекарственное растение (полынь, *Artemisia pontica*), мухомор серый, а среди орнитонимов встречаются только *vrána šedivka* или *vrána šedá* (*Corvus cornix*), т. е. серая ворона. Словарь латинско-чешско-немецкий 1513 г., что примечательно, не включает слово *šedivek* в качестве синонима ‘пеликана’: «Pellicanus pellikan pelikan» [2: с. 11]. Видимо, на фоне регулярных совпадений между двумя словарями следует считать это отсутствие значимым признаком того, что слово *šedivek* было отвергнуто сознательно.

Однако в Вульгате представлено другое наименование пеликана — *onocrotalus* [8]. Есть оно и в словаре 1511 г.: «Onocrocalus m s est auis longo rostro Nec cum vocē edere voluerit caput in aquas ponit, et sic instar rugitus clamorē (emittit: Морскы hawran k bukaczi podobny» [7: с. 571] — «Пеликан (*onocrotalus*) (м., 2 скл.) есть птица <с> длинным носом. Сей с криком есть захочет, голову в воды опускает, и так <с> подобным рычанию воплем вынимает. *Морской ворон филину подобный».

Собственно говоря, перед нами грецизм ὄνοκρόταλος, который буквально означает ‘ослу’ подобный ‘воплем’. Именно этим объясняется внимание словаря к описанию голоса птицы. На это указывал Д. Скот, обосновывая свою мысль тем, что эта птица Ветхого Завета — в его транслитерации *Kath* (קתל) — это не обязательно пеликан, судя по описанию и месту обитания: «Onocrotalus, if the etymology be considered, is any bird whose cry is so harsh as to suggest the braying of an ass, whether the bittern, spoonbill, or pelican of the moderns be understood» [11: с. 138]. *Onocrotalus*, если принять во внимание этимологию, есть любая птица, чей крик настолько груб, что напоминает рев осла, будь то выпь (*Botaurus stellaris*), колпица (*Platalea leucorodia*) или пеликан (*Pelecanus onocrotalus*) в современном понимании. Он опирается на контекст (Пс. 102:7), в котором пеликан выступает как символ одиночества [11: с. 141], на что выше указывает и словарь 1511 г. Здесь в русских переводах закрепилось обобщенное обозначение *птица*, а в греческом исходное $\psi\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma$ [ципор] ‘птица, птичка,

воробей' [1] было переведено как στρουθιον 'воробей' (Пс. 101:8), крик которого до ослиного явно не дотягивает. В Вульгате здесь даже две птицы: «Similis factus sum pellicano solitudinis, factus sum sicut nysticorax in ruinis» (Пс. 102:7) [8] — «Подобен сделался я пеликану одиночества, сделался, как "ночной ворон" (предположительно 'баклан' [5]) в руинах». Таким образом, определить точно библейскую птицу в этих контекстах невозможно, но внимание к ее названиям отразилось в чешском словаре 1511 г.

Иногда составитель славянской части словаря находил лишь приблизительное соответствие латинскому слову. За этими подстановками видится кропотливая работа над письменными свидетельствами, обусловленная стремлением к достоверности в рамках представлений того времени. В отдельных случаях эти соответствия весьма своеобразны, например: *скорпион* (*Scorpio*) в польской части словаря 1533 г. передан как *niedźwiadek* [6: с. 2], т. е. как наименование насекомого, производное от названия медведя (ср. русск. *медведка*), которому в польском соответствует название *niedźwiadek*, но чаще — *turkuć podjadek*.

Порой разные записи одного слова получают сильно различающиеся толкования: «*Phoca uitulus marinus*. Eyn mer kalp. | Morfkue čyele» [6: с. 92] — 'тюлень / морской теленок', а в немецком и польском 'морской теленок'; «*Foca*. Wayßfysch. Wyła rybà» [6: с. 93] — 'тюлень', но в немецком и польском 'белая рыба'. Ср. подобный разброс в толкованиях в более ранних немецких словарях: «*Foca*, f. marina (X vacca? <'корова'>) 30., fota 50., forra 32., forta 34., | phocus 37., eyn zeel-, sel-visch 37. <'рыба парусник / Segelfisch'>, sel, eyn visch <'парусник, рыба'>; focus mer kalff 38. mer-kalb 29. 32. <'морской теленок'>, -kacze 45. <'морской кот'>, -kù 30., -chue 34. <'морская корова'>, -rint, -oss Meg. <'морской телок / телка, бык'>, -kint, -kind 50. <'морской детеныш'>, -chalb, piscis, emfer P.V. <'морской теленок, рыба'> bocas mer-calp, -ochse 40. <'морской теленок, бык'>» [3: с. 178]. Нельзя не заметить, что сложные отношения между ранними славянскими словарями не сводятся к прямому заимствованию, отраженному в чешском словаре 1513 г. «*Foca plotitze weyßfifch*» [2: с. 17]. Немецкая 'белая рыба' соотносится с чешским *plotitze*, совр. *plotice obecná* (*Rutilus rutilus*) 'плотва'. Плотва в десяток раз меньше тюленя и парусника (морской рыбы), но таков был выбор составителя, обусловленный, видимо, тем, что плотва является наиболее типичной разновидностью пресноводной и нехищной 'белой рыбы' (именно так это обозначение надо понимать).

В качестве наименования сельди (для которой в чешском языке использован германизм) взято по отдаленному сходству латинское название рыбного блюда: «*Allec herynk hering*» [2: с. 17], где (*h*)*alec* в классической латыни — некий 'рыбный соус, рассол или рыбный суп, уха' [5].

Чешское название трески в словаре 1513 г. также усвоено из немецкого: «*Strumulus stokwiß stockfifch*» [2: с. 17; 4: с. 527]. Латинское название отмечено в поздней латыни: «strumulus, -i *stockfisch / stockfish: ap. AMERB. I, n° 1, 13» (AMERB. — Die Amerbachkorrespondenz, éd. A. Hartmann, puis B.R. Jenny,

Bâle, en cours de publication depuis 1942; tomes I à IX/2) [6: с. 527, XXXIII]; «*Strumulus, trumbulus 34. stokvisch 34. 37. stocuis 38» (источники нижненемецкие указаны с 1417 г.) [3: с. 351, XIII, XIV].

Вероятно, немецкий язык оказывал решающее влияние на выбор перевода в сложных случаях: «Senta lijn fchleyn» [2: с. 17]. В латинском ‘линь’ — *tinca*, нем. *Schleie*, чешск. *lín*; а лат. *senta* встречается только в поздних источниках: *senta* = *stancius* = *tenca* [3: с. 335, 347, 361].

Можно предположить, что по причине активных культурных связей опыт предшественников учитывался при включении в словарь нового славянского языка. Так, одна ошибка в названии кита позволяет думать, что составитель польского словаря, издававшегося с 1526 г., знал чешский словарь 1513 г., где кит и сом соседствуют: «Rumbus fum stoer | Cetus welryb walfisch» [2: с. 16]. Грецизм *rhombus* — это не ‘сом’ (как в чешском ряду) и не ‘осетр / Stör’ (как в немецком), а ‘камбала или палтус’. Однако соседство названия сома с названием кита (*welryb*, совр. *velryba*) в чешском столбце могло быть причиной их смешения в позднейшем польском словаре: «*Balena, ge. fe. de. i. eyn walfisch. Sum, | Cetus idem, ge. ma. de. ij. | Cete pluraliter idem, ge. ne. indeclinabile*» [6: с. 92]. Вряд ли в воображении польского составителя кит (лат. *balaena* — усатый кит) предстал как (усатый) *som*. При этом кит ниже именуется им же описательно как ‘большая рыба’, последнее находим в немецком и польском описательном обозначении ‘торговца китами’: «*Cetarius. Einer der do groß vifch verkeufft. Maż ktory wyelkye ryby przedaye*» [6: с. 92].

Другой пример вероятного влияния находим в разделе «De serpentibus» (О змеях) того же словаря. Это ряд из двух разных животных: «*Vipera ge. fe. de. i. eyn notter. | Yáfczurkà. | Echidna idem, ge. fe. de. i.*» [6: с. 95], в котором почему-то латинскому и немецкому ‘гадюка / Nauter’ соответствует польское ‘ящерица / jaszczurka’. Ср.: «*Vip-era, -pera adere, eyn worm 38. -pa nauter 32. vespera nater *K. V. ...*» (*K. V.* — Voc. rerum ex officina J. Keller in Augusta a. 1468) [3: с. 382, XXI]. Но и в чешском словаре 1513 г. соседствуют ящерица и гадюка: «*Lacerta gestierka eyder | Vipera gestier gifftnater*» [2: с. 16], гадюке соответствует ‘ящер’ (в чешском ряду) и ‘ядовитая гадюка / Giftnauter’ (в немецком). Опять чешский *ящер* поставлен в ряд с латинской ‘гадюкой’ раньше польской *ящерицы*.

Отметим, что составителю чешской части словаря порой не удавалось найти даже приблизительное соответствие. В кратком словаре 1513 г. обнаруживаем такие условные подмены: «*Triton ktoznitzneumidielati walfergot*» [2: с. 10] — Тритон — <чешск.:> который-ничего-не-умеет-делать (*sic!*) — <нем.:> водный бог; «*Albica duchniekteraky alp*» [Там же] — Эльф — дух-некоторый — эльф; «*Alota ryba nieyaka quappe*» [2: с. 17] — Налим (*Lota lota*) — рыба некая — налим (нем. *Quappe*). Как видим, подмены могут оцениваться как малореалистичные или непонятные (соответствие слова *тритон*), или как неполное толкование, имеющее параллели и в современных словарях (какая-то рыба, какой-то дух).

Таким образом, анализ встречающихся в ранних славянских словарях названий экзотических животных позволяет заключить, что их появление могло быть связано с изучением распространенных библейских сюжетов. Выяснение этих аспектов истории ранней западнославянской лексикографии представляет интерес еще и потому, что ее влияние заметно в русских азбуковниках [9].

Библиографический список

Источники

1. Параллельная русская Библия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.godrules.net/para7> (дата обращения: 06.04.2017).
2. Dictionarius: trium linguaru[m]. latine. teutonice: Boemice potiora vocabula continens: peregrinantibus apprime vtilis. Wien: Hieronymus Vietor & Johann Isingriener, 1513. 20 p.
3. *Diefenbach L.* Novum glossarium latino-germanicum mediae et infimae aetatis. Frankfurt am Main: J.D. Saueßländer's Verlag, 1867. XXIV. 388 p.
4. Lexique de la prose latine de la Renaissance. Dictionary of Renaissance Latin from prose sources. Leiden; Boston: Brill, 2006. L, 684 p.
5. Lingua Aeterna [Электронный ресурс]. URL: <http://linguaeterna.com> (дата обращения: 06.04.2017).
6. *Murmeliu J.* Dictionarius Ioannis Murmellii variarum rerum tum pueris tum adultis utilissimus, cum Germanica atque Polonica interpretatione. Cracoviae: Hieronymus Vietor, 1533. 44 + 210 p.
7. *Vodňanský J.* Vocabularium cuius nomen Lactifer. Pilsen: Nicol. Bakalarz, 1511. 589 p.
8. Nova Vulgata [Электронный ресурс]. URL: http://w2.vatican.va/archive/bible/nova_vulgata/documents/nova-vulgata_vetus-testamentum_lt.html (дата обращения: 06.04.2017).

Литература

9. Дьячок М.Т., Шаповал В.В. Западнославянская лексика в древнерусских азбуковниках // Двужычие и взаимовлияние языков. Чебоксары: [Б.и.], 1990. С. 59–64.
10. Чупрына О.Г. Дискурсивные особенности английского средневекового медицинский трактата // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2016. № 4 (24). С. 57–66.
11. *Scot D.* On the *Kath* of the Ancient Hebrews, considered as the Pelican of the Moderns // The Magazine of Natural History and Journal of Zoology, Botany, Mineralogy, Geology, and Meteorology. V. 2. London: Printed for Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, Paternoster-Row, 1829. P. 137–142.

References

Istochniki

1. Parallel'naya russkaya Bibliya [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.godrules.net/para7> (data obrashheniya: 06.04.2017).
2. Dictionarius: trium linguaru[m]. latine. teutonice: Boemice potiora vocabula continens: peregrinantibus apprime vtilis. Wien: Hieronymus Vietor & Johann Isingriener, 1513. 20 p.

3. *Diefenbach L.* Novum glossarium latino-germanicum mediae et infimae aetatis. Frankfurt am Main: J.D. Saueßländer's Verlag, 1867. XXIV, 388 p.
4. *Lexique de la prose latine de la Renaissance. Dictionary of Renaissance Latin from prose sources.* Leiden; Boston: Brill, 2006. L, 684 p.
5. *Lingua Aeterna* [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://linguaeterna.com> (data obrashheniya: 06.04.2017).
6. *Murmelius J.* Dictionarius Ioannis Murmellii variarum rerum tum pueris tum adultis utilissimus, cum Germanica atque Polonica interpretatione. Cracoviae: Hieronimus Vietor, 1533. 44 + 210 p.
7. *Vodňanský J.* Vocabularium cuius nomen Lactifer. Pilsen: Nicol. Bakalarz, 1511. 589 p.
8. *Vulgata* [E'lektronny'j resurs]. URL: http://w2.vatican.va/archive/bible/nova_vulgata/documents/nova-vulgata_vetus-testamentum_lt.html (data obrashheniya: 06.04.2017).

Literatura

9. *D'yachok M.T., Shapoval V.V.* Zapadnoslavjanskaya leksika v drevnerusskix azbukovnikax // Dvuyazy'chie i vzaimovliyanie yazy'kov. Cheboksary': [B. i.], 1990. S. 59–64.
10. *Chupry'na O.G.* Diskursivny'e osobennosti anglijskogo srednevekovogo medicinskogo traktata // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2016. № 4 (24). S. 57–66.
11. *Scot D.* On the Kath of the Ancient Hebrews, considered as the Pelican of the Moderns // The Magazine of Natural History and Journal of Zoology, Botany, Mineralogy, Geology, and Meteorology. V. 2. London: Printed for Longman, Rees, Orme, Brown, and Green, Paternoster-Row, 1829. P. 137–142.

V.V. Shapoval

On the Names of Animals in Early Slavic Dictionaries

The Latin-Czech dictionary of 1511 is the first one, where Czech words were regularly used as an auxiliary part of the word-definitions. The 1st (alphabetic) book and a number of other sections of this dictionary give Latin terms for animals, birds, fishes, etc. Like in other early Slavic dictionaries, some of these words are exotic and (or) fantastic. It's worthy of note that these nominations do not concern living creatures inhabiting Europe. One might suppose they are taken from the Bible and other texts used for learning purposes in that time.

Keywords: early Slavic dictionaries; animals; Bible.